

18+

Ольга Краузе

СЛОБОЖАНСКИЕ ПАСТОРАЛИ

Повесть

Ольга Краузе

Слобожанские пасторали. Повесть

«Издательские решения»

Краузе О.

Слобожанские пасторали. Повесть / О. Краузе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502592-0

Слобожанщина — легендарный край Украины, где переплелись судьбы разных людей. А судьба любого человека всегда интересна, особенно если в его характере прочно сидит неукротимая жажда свободы. Большое спасибо змиёвским историкам-краеоведам Ирине и Михаилу Саяным, которые, сами того не ведая, помогли мне довести эту повесть до логического конца.

ISBN 978-5-00-502592-0

© Краузе О.
© Издательские решения

Содержание

Приблудный постоялец	6
Новая жизнь	7
Хозяин	9
Дачница	11
Налет	13
Спасение	14
Захар и Люся	15
В гостях	17
Проводы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Слобожанские пасторали

Повесть

Ольга Краузе

© Ольга Краузе, 2019

ISBN 978-5-0050-2592-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приблудный постоялец

Извелся Мурзик по дороге на дачу. Отсидеть в корзине, замотанной сеткой, не имея представления куда тебя везут до конечного пункта назначения и не свихнуться, не так-то просто. Последний раз его вот так довели до ветеринара, где он лишился своего детородного права. Однако, на даче оказалось вполне вольготная жизнь. Все лето он ловил мышей и гонял местных котов, которые страстно беспокоились за свои гаремы. Ведь коты грамоте не обучены и справку о Мурзиковой стерильности им никто не предъявлял. А когда только-только пройдя через все бои с местными альфа самцами, Мурзик освоился и стал у аборигенов своим, хозяйева засобирались обратно. Конечно, там, в городе будет коврик под батареей, и всегда полная миска хрустящих вкусняшек, но ради этого надо снова позволить себя поймать и запихнуть в корзину, а зачем? Зимуют же как-то все эти местные кошки и коты, а значит и Мурзик не пропадет. Так что, когда хозяйева приготовили для Мурзика корзину – он исчез. И хоть ты обкискайся, а на электричку опаздывать нельзя, она сегодня уже последняя, а завтра детям в школу и взрослым на работу надо успеть.

Так Мурзик из дачного котика превратился в сельского жителя. Он еще какое-то время, до заморозков, обитал на чердаке хозяйской дачи, а потом перебрался на край села, в коровник Захаровского подворья. Тамошняя телка Маша быстро к нему привыкла. Мурзик ласковый – забрался на перегородку стойла, облизал шершавым язычком искусанные оводами и мухами коровьи веки, потерялся об ее морду и стал своим.

Тамошние хозяйева, обнаружив однажды кота в коровнике, прогонять его не стали. Кормить не кормили, но и гнать не гнали. Ничего, он за ночь в сене-соломе мышей наловит и весь день сытый отсыпается.

Новая жизнь

Стояла февральская оттепель, обманчивый запах весны спровоцировал на селе собачьи свадьбы, а в хлеву у слесаря-наладчика птицефабрики, Захара Колесника отелилась корова. Отелась в срок, случилось это ночью. Супругам не до сна – ждали. Признаки ближайшего отела у Масыни стали очевидны – провис живот, опустился крестец, вымя налилось и появилось молозиво, произвольно капающее из сосков. Хотя, симентальская порода вынослива и неприхотлива, но Масыня первотелка и за нее было немножко боязно.

И вот наступил вечер, когда корова легла на бок, на подстеленный загодя чистый брезент. Захарова жена взбила и запахнула ей под голову «подушку» из пшеничной соломы, подогрела воду, промыла заднюю часть коровы теплой водой с мылом, подготовила растворы марганцовки и йода, острые и чистые ножницы и все стали ждать. Скоро начались схватки, отошли околоплодные воды и слизь, вылез плодный пузырь с тельцем. Обошлись без ножниц – пузырь тельце прорвал сам. И пупочный канатик обрезать не пришлось, все происходило само собой. Когда Масыня поднесла новорожденного, она старательно его обликала, очищая свое чадо от остатков слизи.

Вот так и появился на свет бычок, которого по февральскому происхождению нарекли Лютым.

– Эх, Люсенька! Да какой же он Лютый? Ты только полюбуешься на этого милого мальчика! Цветочек, Лютик. Душка, ну просто душка да и только!

Захар, несмотря на рабоче-крестьянское происхождение, имел не по мужицки сентиментальную и нежную натуру, в противовес своей супруге, которая коня на скаку остановит и спуску не даст никому.

– Ладно, тещься своим Лютиком до Троицы. А там или зарезать или продать придется. Зарезать-то лучше. Нынче 50 гривен за кило живого веса дают, так что навару никакого, а так мяса на год хватит.

Лютик сосал Масыню и не особо-то прислушивался к людским голосам. Он еще не знал, кто в этом мире главный. Для него весь мир сосредоточился на мамином тепле и на ее сладком соске. А Людмила продолжала рассуждения:

– Даже если была бы тёлочка, я бы ее все равно не оставила. Молоко продается с трудом. Сестра твоя больше по вагонам утренней электрички с молоком не ходит, она свою корову зарезала и уже три месяца, как швей-мотористкой на фабрику устроилась. В садоводстве летний магазин открыли и больше некуда столько сыра варить, а уж молока-то и летом дай Бог пять литров за день продавала. На молокозавод по три гривны за литр сдавать, себе в убыток. При таком раскладе Масыню пора под нож, а самим бы в Польшу на заработки. А мы осеменителя вызываем-тратимся, с ее отелом возимся. Что вздыхаешь? Я дело говорю. Дом ремонтировать не на что. На машине стыдно из гаража выезжать, не то, чтобы до города доехать. Ты под ней больше валяешься, чем на ней катаешься. С огорода и наших заработков на птицефабрике только и кормимся, а так чтобы денег на ремонт отложить, так только на заплатки там и тут наскребаем. Оглянись кругом – в селе поболе трехсот дворов будет и только пять придурков коров держат. И тех в одно стадо не собрать, пастуха не нанять, бо мы в разных концах живем. С середины апреля по октябрь, каждое утро, как последняя воровка на пастбище Масыню выгоняю. Хорошо еще, что брошенные участки в садоводствах есть, а кабы не было... Нет, со скотиной пора завязывать! Много ты со свиноматки нашей наварил, когда власть очередную борьбу с африканской чумой затеяла? Шо, двадцать гривен за кило живого веса от государства и пропала наша Хрося за неделю до опороса! А ты уже бухгалтерию тогда развел: одномесечных поросят за пятьсот, двумесечных за шестьсот, а трехмесечных за семьсот гривен продавать. И накрылась вся твоя бухгалтерия медным тазом. Умные люди, как тока

в телевизоре про соседнюю область эпидемию объявили, всех своих свиней закололи и коптильни раскочегарили, а ты ждал, вот и дождался. Так что нехай до Троицы откормятся и обоих забить. Солонины наготовим, что на рынок свезем, что для себя. Нечего дурью маяться, куры-кролики есть и хватит. Если жизнь долго не меняется к лучшему – смотри, как бы она не изменилась к худшему!

Лютик пока не знал, кто в этом мире главный – тянулся, сосал теплую мамку, стоя на дрожащих, еще не окрепших тонких ножках. Кот Мурзик забился в самый темный угол, наблюдая за происходящим и решая, как ему дальше быть. Впрочем, этот коровий детеныш вряд ли станет душить крыс и приносить добычу на хозяйский порог. Может он для чего-то хозяевам и понадобится, раз они за него так переживают, но уж Мурзику-то он явно не конкурент.

Хозяин

Захару крыть нечем, Люся во всем права. И дом ремонтировать надо и «жигуль-семерка» уже в таком состоянии, что только на запчасти распродать получится. Но вот скотина не камень, не бревно и не железяка, она живая в глаза тебе смотрит. Люся правду-матку режет, а сама, поди, тоже переживает, да виду не подает. Смысла в такой жизни нет. Детей Бог не дал, живут по-привычке, да и скотину держат по-привычке. Еще три года назад, как старой корове вышел срок, Люся затосковала и сама запросила телочку купить, а теперь вот. Понятное дело, надо ехать на заработки, а при хозяйстве на заработки не сорвешься.

– Я, Люсенька, понимаю, но даже если от всей скотины избавиться, даже если Полкана с Мурзиком выкинуть, пока мы в Польше зарабатываем, нам хату добры люди так обнесут, шо гвоздей не соберем.

– Значит один хтось ездить будет.

На один хтось выпало ехать Люсе. Знакомые пристроили возле Кракова к солидным панам кухаркой, те на трассе отель с парковкой держали. Так что приготовление солонины пришлось отложить. Все чинно и официально. Взяли кредит в банке, оформили рабочую визу на десять месяцев.

Виза – дело непростое. То, что украинцам теперь для прогулки в Евросоюз безвиз дозволен, так это для туристов. Туристы, такие люди, которым дома делать нечего. А у Люси полон двор хлопот и за хатой, как за живой скотиной тоже ухаживать каждый день надо. Люся если и отправится в ту Европу, так только по крайней нужде, на заработки, чтобы в хозяйстве дыры залатать. Таким, как Люся, рабочую визу оформлять надо. А для этого дела в Харькове Центр Визовой Поддержки имеется, только туда идти, как в лотерею играть. Деньги всяко потратишь, а с визой могут так промурыжить, что хозяева отеля из под Кракова тебя не дождутся. Лучше сразу к посредникам обратиться. У тех посредников-то в Центре Визовой Поддержки все схвачено. Оно, конечно, гораздо дороже получается, но уж зато наверняка. Так что пришлось как следует, в кредит потратиться.

И укатила Люся на панщину в чужие люди, оставив Захара дома, на хозяйстве, расплачиваться с тем кредитом и с обязательным уговором, чтобы к ее возвращению, он заказал соседу, забить Масыню и Лютика.

К ее возвращению, это к Рождеству следующего года. Впервые разлуку с женой Захару застило утешение, что скотине продлили жизнь. Ведь и у Масыни на душе бурлили какие-то чувства. Она же понимала, что хозяйка ее разлюбила. Да, что там разлюбила, когда в хлев теперь заходит один Захар, а Людмила туда ни ногой. У Масыни теперь одна радость – Лютик. Хозяин, конечно, гладит ее и ласковые слова говорит, и как хлев почистит, да корму задаст, долго еще с ней и Лютиком возится, а все ж голос не тот и рука не та.

Но на одних чувствах далеко не уедешь, их на хлеб не намазать и в карман не покласть. У Захара его слесарно-наладочная служба суточная. Между сутками двое суток выходных. А за скотиной догляд постоянный нужен, скотину на сутки не бросишь. Тут, как ни охай, ни вздыхай, а проблему надо решать кардинально. Пришлось взять отпуск за свой счет на неделю, чтобы собраться с духом и покончить со скотиной. Духом собираючись стал сам по вагонам электрички молоко на продажу носить. Из нераспроданного молока делал творог и тоже нес продавать. Дело пошло и очень даже. Недаром в народе говорится, что мужчины больше бы сделали, если бы женщины меньше говорили. Видать не так уж старательно его сеструха тогда по вагонам ходила. И решил Захар с работы вовсе уволиться. На себя работать оказалось выгодней. Правда тут постановление вышло, чтобы минимальную зарплату всем повысить. Официально у Захарки минималка, остальное ему в конверте выдают, как и всем. А вдруг теперь...

Пришел на работу, а ему встречное предложение, на пол ставки заявление писать. И что же, теперь суточной работы не будет? Ан нет! Все будет, как и раньше, просто теперь весь заработок без конвертов получать. И какой резон? А кто ж станет возражать, когда в стране такая безработица?

Захарке эти аргументы до лампочки. Он теперь сам себе хозяин, себе, Масыне с Лютиком и гусям, курам, уткам с кроликами, да и приبلудному Мурзику не чужой.

Утром подоил Масыню, плеснул Мурзику в мисочку чуток, почистил хлев, задал скотине и птице корму, разлил молока по бутылкам, упаковал яйца по коробкам и вперед, на станцию. Едут люди в электричке по своим делам, а чего бы натуральных свежих продуктов по дороге не подкупить, тем более, что, они всяко магазинных дешевле. Торговля своим товаром хороша хотя бы тем, что у тебя каждый день живые деньги на руках. С кредитом получается рассчитывать, и на ремонт дома уже отложил прилично. Машину продал на запчасти. Машина пока вообще без надобности. Весна разгорается, скоро зелень пойдет и Масыню с Лютиком на выпас куда-то выводить придется. Тут, конечно, имеется заморочка с пастбищем. Но и ее решить можно. Ведь если у людей руки до своей земли не дошли и они ее не пахут, то чего бы туда соседу со скотиной не зайти. Пусть пока поле навозом удобряется. А у Захара, с решением той заморочки, проблема с закупкой фуража отодвинется по самый октябрь. Вот и экономия. Когда проблему можно решить за деньги, это не проблема, это расходы. А на расходы, если ты пахешь на себя, а не на дядю, заработать можно.

Дачница

Быть нищей – не позор. Однако это все, что можно сказать о нищете хорошего. А посему, умные люди на пенсию в старости, по нынешним временам, особо-то и не рассчитывают. Кого ни спроси – все работают. Надо быть полковником в отставке, чтобы на ту пенсию можно было прожить. Официально, конечно, в Украине безработица. Так, чтобы тебя с полным социальным пакетом, с занесением записи в трудовую книжку оформили – не дождешься. Ну, не выгодно за рабочую единицу налог платить. Так что выбирай: или тебе трудовой стаж идет с официальной оплатой на полставки, а горбатишься ты, как на полную, за копейки, которые тебе еще и не факт, что во-время заплатят, или работаешь на хозяина, без оформления, но зато каждый день после работы, или в крайнем случае, раз в неделю с тобой рассчитываются.

Пять лет подряд, после оформления пенсии, Нелли Николавна продолжала работу ветеринара, только уже не в своем родном зоопарке, откуда ее с таким почетом выпроводили, что обратно грех соваться. Рядом с домом была частная ветеринарная клиника. Ее держали два молодых человека. Хлопцы работали не спустя рукава, а на совесть, потому к ним со всего Харькова люди своих подопечных несли. Работы много, они бы всяко не управились, если бы Нелли Николавна третьей в деле не была. Не третьим совладельцем и даже не официальным сотрудником, однако на таком подхвате, когда наступают сезонные вакцинации или заказывают типа «скорая помощь» на дом, так это все было на ней. И травмы, и окот, и кастрация, и купирование ушей с хвостами. В честности ее, хозяева клиники не сомневались, поскольку все работали по прейскуранту, а если владелец какой животинки сверху приплачивал, так это уже их личное дело. Так что свою пенсию Нелли Николавна все пять лет откладывала. Она бы и дальше в той клинике работала, но один из хозяев женился на своей бывшей однокурснице и пришлось уступить место его молодой супруге. Впрочем и на том спасибо.

Надо суметь еще сколько-нибудь накопить, да чтобы лежали на депозитах в разных банках, поскольку в наших краях все так ненадежно, что яйца в одну корзину только дураки складывают. На пенсии, да на небольших процентах с накоплений, одной, в маленькой квартирке, чем не житье? Много ли старухе надо? Нелли Николавна доживала свой век без особого напряжения, покуда не поселился над ее головой заслуженный деятель искусств, мастер художественной резьбы по дереву с супругой. С той поры и в жару, и в холод, и зимой, и летом пришлось Нелли Николавне совершать длительный прогулки с девяти утра, до семи вечера. Поскольку, именно в это время суток, пока супруга ваятеля водит экскурсии по художественной галерее Харькова, с потолка Нелли Николавны раздается стук молотка и визжание дрели с электролобзиком. Это гениальный художник творит новые шедевры непосредственно в своей квартире, поскольку мастерскую он сдает в аренду за приличные деньги, которые на голом творческом вдохновении ни в жизнь не заработать. Нелли Николавна, женщина интеллигентная, с соседями воевать не приучена, тем более с деятелями искусств. Тут уж как ни тужься, а приятного мало. Но соседи существуют не для того, чтобы их любить, а для того, чтобы с ними мирно жить. Вот и нашла она единственный способ продолжить мирную жизнь в спортивной ходьбе. Нарезая круги по родному городу, заскочила как-то зимой погреться на вокзал и ее осенила идея загородных прогулок на электричке.

Так, гуляя по пригородным селам и собирая летом-осенью сливы-груши-яблоки по заброшенным садам, она наткнулась на объявление о продаже садового участка с летним сарайчиком за довольно низкую цену, которую вполне могла себе позволить, сняв указанную сумму с одного из депозитных счетов.

И судьба превратила Нелли Николавну в садовода-любителя, и теперь уже с апреля по октябрь включительно она наслаждалась тишиной в своей сараюшке, у самой лесопосадки, по мере сил ковыряясь в земле, выращивая там огурцы с помидорами.

Если седина – признак старости, а не мудрости, то умному человеку старость добавит опыта, а с опытом уже и трудности преодолеваются гораздо легче. Ну да, – опыт, это то самое слово, которым люди называют свои ошибки. А кто их не делал, тому и поумнеть не с чего. Дачная жизнь дает пенсионеру второе дыхание. К тому же теперь, кроме выращенных на своем огороде овощей, стали доступны такие продукты, как настоящая сметана и творог. Такой-то, порошковой сметаны в супермаркетах полно, и та не дешевая, а чтобы настоящую на рынке купить, так это уже для многих стариков немыслимое дело и то что ты, хотя бы там, на чистый продукт попадешь тоже не факт. Как нынче шутит народ – Малазийские пальмы доятся последнее время лучше, чем украинские коровы. Так что нести свою кровную пенсию в супермаркет за неизвестно что – жалко. На самом деле, взрослому организму пить молоко не на пользу – взрослый организм лактозу не расщепляет. Поэтому не стоит сразу обвинять хороший продукт, если вас от него пронесло. Пейте кефир, ешьте творог, а свежее молоко оставьте детям. Дешевле всего натуральный молочный товар был в электричке. Нелли Николавне особенно понравилось брать творог у солидного мужчины в белом фартуке. Он садился и выходил всегда именно на ее станции и надо бы подойти и спросить его, где он живет, чтобы не караулить в электричке, но она все стеснялась. А зря. Ведь она сразу просекла, что человек не перекупщик, от своей коровы торгует. Уж на это у Нелли Николавны глаз наметан, она доярскую руку с детства от всех прочих отличить способна.

Налет

Апрель с самого начала выдался теплым, но не настолько, чтоб уж ночевать в летнем домике, но самое время землю под огородные посадки вскопать, обглоданные зайцем саженцы подлечить, да барахлишко на весеннем солнышке перетрясти. В тот день Нелли Николавна подзадержалась в городе и ехала послеполуденной электричкой. Вагон моторный и потому пустой – она, да в уголке, возле туалета, парнишка в черной толстовке с капюшоном на голове. У ней еще мысль промелькнула: «Зачем он там сидит? Ведь наверняка из туалета воняет.» Продавцам-коробейникам в таком вагоне делать нечего, они его насквозь мимо пробегают. Только молочник в белом фартуке остановился перед ней.

– Здравствуйте! А я уж и не надеялся сегодня вас встретить.

– Да, проканителилась дома с утра, то тэ, то тэ. Думала вовсе не ехать, но охота пуще неволи. Хоть чуток в огороде повозиться и обратно.

– Вам повезло! У меня как раз последняя упаковка творога для вас и осталась. Будете брать?

– Ой, спасибо! Теперь уж точно не зря съездила! А я-то как раз переживала, что сегодня останусь без вашего творога. Конечно буду брать. А яйца кончились?

– Штук пять осталось, да вы больше и не брали никогда.

– А куда мне больше, я ж насквозь самостийная.

Обменяли товар на деньги, деньги на товар и молочник дальше по вагонам побегал остатки продавать.

А парнишку в черном капюшоне трясло не на шутку. Его такие ломки одолели, что хоть об стенку головой или, как Анна Каренина, под колеса поезда кидайся. А у бабки в сумочке деньги. Он сам видел, как она у дядьки в белом фартуке чего-то покупала. Сколько там у ней? Хватило бы на дозу. «Сейчас, сейчас» – бормотал он, сжимая в потной ладони монтировку, удачно свистнутую у работяг путейцев на платформе перед посадкой в поезд.

Идет Захарка домой, не идет – на крыльях летит и думает: «До чего работа на чужого хозяина человека портит. Он при этом напрочь забывает, что сам себе хозяин. Ну вот зачем он столько лет вкалывал на этой птицефабрике? Полтора месяца прошло, как на вольных хлебах, а уже кредит скоро отобьет. Люся заработок прислала, он его в том же банке на три месяца на депозит положил. К маю, как все просохнет, будет на что и балки потолочные поменять, и печку поправить, и крышу перекрыть, и стяжку по фундаменту... Идет он по тропинке, траву зеленую, пробивающуюся из под снега, по пути дерет кроликам на угощение, а поперек дороги, лежит окровавленная бабка, та самая, которой он сегодня последнюю упаковку творога продал. И кругом никого.

Спасение

Подхватил Захарка бабу (вроде живая, стонет) и понес к трассе, попутку до больницы ловить. Там у него кум фельдшером.

Поселковая больница маленькая, стационарная, десять коек без ночлега. Кум бабу оглядел, первую помощь оказал, полицию вызвал. Пока она там на койкоместе лежала, Захарка домой сгонял, скотине сена освежил, подстилку поменял и обратно, в самый раз к полицейскому дознанию подоспел. А служивым налет на бабу, это ж не преступление века. Баба, слава Богу, жива, очухалась, показание с нее выпросили. И что? Где они этого ханурика будут ловить? Не объявлять же операцию перехват по всей ветке Харьков-Лозовая, без конкретной ориентировки на личность? Баба, она старая, головой стукнутая, не в своем уме бредит про налетчика в черном капюшоне, лица не видела. А в черном капюшоне может быть, кто угодно и в первую очередь тот, кто ее подобрал. Тем более, что он сперва куда-то свалил, а потом явился, как ни в чем ни бывало. Явно переоделся, кровь пострадавшей с себя смыл, награбленное заныкал и теперь сухим сучком прикидывается.

– Ваши документы!

– Документы дома, я их с собой не таскаю.

– Значит можем проехать к вам домой. А где вы сегодня были в четырнадцать часов?

– Ехал в электричке.

– Вместе с потерпевшей?

– Нет, бабуся ехала сама по себе.

– А пройдемте-ка на опознание.

Подводят Захара к бабе:

– Гражданка потерпевшая, вы узнаете этого человека?

– Это молочник, я у него постоянно в электричке творог и яйца покупаю.

– Так это ж он вас и стукнул, и ограбил.

– Зачем же вы на человека наговариваете, это вовсе не он!

– Значит так, гражданка потерпевшая, или мы оформляем состав преступления и пакуем вашего молочника, как налетчика, или налета не было, вы упали, сумку потеряли, с дамами вашего возраста такое часто случается.

Нелли Николавна не вчера родилась и не в оранжерее созрела. Ей невинного за решетку сажать резону нет, а труженикам уголовного розыска за каким-то хануриком ради пристукнутой бабки гоняться просто лень.

– Конечно, сама упала, в голове помутилось, наверное давление... Извините за беспокойство.

Служивые и отвалили.

Хорошо, что полицейская реформа еще пока рулит. Удалось Захарке от уголовки отвертеться. Старые бы менты вцепились в него мертвой хваткой. Пришлось бы все накопленное им на откуп нести. А эти не успели своей власти распробовать, да и побаиваются борзеть. Не за себя Захарка перетрухнул. Как представил дома скотину голодную, не доенную, да по колено в навозе, как подумал про Люсю, которая выйдет вечером в скире, а его нема... Он, конечно, видел по телевизору, что и у американцев первый подозреваемый тот, кто обнаружил жертву, но вот не вспомнил об этом, когда окровавленную бабу подбирал и в больницу ее тащил. А ведь он там последний шел. Наверняка были те, кто перешагнул или просто отвернулся от несчастной от греха подальше. Но таким уж Захарка уродился, что случись это снова, он бы снова мимо не прошел.

Захар и Люся

А тем временем, в Кракове, с Люсей происходило непредвиденное. И радостно ей, и боязно, и муторно по утрам. Люся держится, как может, но уже понятно, что до конца условленного по контракту срока, ей не доработать. Люся беременна! Нет никакой измены мужу, никаких романов на чужбине. Просто очень жаркой была прощальная ночь с Захаром, в конце февраля. Надо же было такому случиться, когда утрачена последняя надежда на материнство. Люся работает, пока никто не замечает и мужу сообщить не решается. А вдруг не доносит? Зачем человека обнадеживать? Шутка ли впервой залететь, когда тебе за тридцать.

Но с хозяйкой поговорить придется. Она женщина, должна к такому делу отнестись с пониманием. Чем плохо скрывать, лучше хорошо признаться. Нельзя, чтобы на беременную кто-то обиду держал. Плохо это для ребенка.

Судьба у Захаркиной жены непростая. Она детдомовская. В приемную семью угодила когда ей уж тринадцать лет исполнилось. Новоиспеченные родители были люди незлые, не жадные, но не богатые, а потому экономные. Голодом девчонку не морили и в рванье она не ходила, а чтобы на мороженное или какую обновку справить, так Люся сама не промах – подрядилась кому огород прополоть, кому воды натаскать, кому в магазин за хлебом, кому еще чем по хозяйству подсобить. Вот так и прибилась ко двору Алены Захаровны Колесник, бабки своего будущего супруга. Захарка тогда еще с родителями и старшей сестрой жил в самом Харькове, заканчивал девятый класс, а после школы мечтал в политехнический институт поступить на факультет инженерного машиностроения. Но в начале девяностых настали нелегкие времена и его родителям пришлось выбирать – пытаться как-то прожить и прокормить семью на зарплату, которую платили через раз, либо изыскать в себе предпринимательские способности и заняться бизнесом. В первом случае был шанс помереть с голода, во втором риск потерять все, включая жилье и даже жизнь. Родители выбрали торговлю. Этот мудреный челночный бизнес требовал начального капитала. Пришлось заложить квартиру и дело пошло. Отец ездил в Мукачево за оптовым товаром, а мать торговала в розницу на рынке. Детей доверили бабушке в село, на догляд и воспитание. Сестра Захаркина, так на сельском воздухе соком налилась, что до окончания школы не утерпела и выскочила замуж в шестнадцать лет, за местного электромонтера, гораздо старше ее, отставного прапорщика, живущего самостоятельным хозяйством, отдельно от родичей через забор.

Захаркины родители и дальше бы крутились, да вот сначала пропал отец, затерявшись где-то на обратном пути, а потом и маму убили прямо возле дома. Квартиру забрали за долги и поселился Захар у бабушки окончательно и бесповоротно. Про институт пришлось забыть, выучился в районном Пэ Тэ У, на слесаря и на том спасибо. А там и повестка из военкомата нарисовалась. В армию служить отправили недалеко, благо Украина теперь самостийна и дальше ее кордонов нашим солдатам делать нечего. Там из него еще и автомеханик хороший получился. Он уже к дембелю готовился, когда от командования три дня отпуска дали по случаю смерти бабуши.

Захарка по бабушке очень убивался. Шутка ли последнего родного человека потерять. Сестра уже не в счет – ей теперь не до брата. Вот его Люся тогда и утешила, как Алена Захаровна перед смертью учила:

«Ты девуля разумная и работающая, если бы я знала, что на тебя хозяйство оставляю – померла бы с облегчением. Так что все в твоих руках. Сама видишь, мой Захарка, что тот малый телок на веревочке, кто его окрутит, того он и будет.»

Вернулся Захар после похорон бабуши в свою часть, а в голове только мысли про Люсю и вертятся. После дембеля особо-то свадьбу справлять не на что. Расписались в районном загсе и стали жить. Хорошо жили, дружно. Люся выучилась на повара и работала в закусочной при

автозаправке, и Захарка там же слесарил. Так бы и дальше все шло, да у хозяина заправки отжали бизнес залетные фраера с Горловки, а при таком раскладе лучше не тормозить и прыгать на ходу. Вот так и очутилась чета Колесников на птицефабрике. Зарплата уже не та, об чаевых и вовсе надо забыть. Сиди на чем есть и не дергайся. Одно утешение – свое хозяйство.

В гостях

Как люди в квартирах живут? Раньше понятно – удобства, теплый клозет, ванна... Нынче это любой школяр, где угодно сварганит. Были б руки, голова и средства, на что сантехнические причиндалы купить. Опять же, если на свалках порыться, то и покупать причиндалы не придется. Частный сектор, это не только своя жизнь с Полканом на цепи за забором, без соседей сверху, снизу и по бокам. Это свой гараж и сарай, где можно мастерить что угодно в свое удовольствие. Опять же земля тебя всяко прокормит, а при огороде без пороса никак. Куда ж девать всякую шелуху, ботву и потроха от кур и кроликов? И без коровы на земле сидеть грех. Нет сил на корову, так хоть козу заведи. Не в селпо же за молоком и творогом ходить?

Впрочем, не будем отвлекаться. Картина про семейство Колесников прояснилась и ладно.

Больничка-то в селе малогабаритная, стационарная, десять коек без ночлега, поскольку такой персонал по разнарядке не предусмотрен. Положен фельдшер, он в наличии имеется и хватит. А дело к вечеру идет. Фельдшер, конечно, не только ментовку на пристукнутую бабульку вызывал, но и дежурную неотложку. Неотложка приезжала и готова была Нелли Николавну в районную больницу на госпитализацию свезти, Но пострадавшая отказалась наотрез.

– У меня из родни никого не осталось, я там помру и затеряюсь. Еще чуток отлежусь и домой поеду.

– А как вам на улице хуже станет? Вас же обчистили. У вас ни справок, ни документов. Без документов, на улице еще скорее потеряетесь.

Но тут Захарка встрял, ему ж, как всегда, больше всех надо.

– Вы до дома всяко не доедете, у меня отлежитесь, соглашайтесь, не отказывайтесь, пока машина не ушла. Им все равно мимо моей хаты ехать. Считайте, что я вас в гости зазываю.

Нелли Николавна женщина интеллигентная, к чужим людям в гости шастать не приучена, но тут уж не до китайских церемоний. Согласилась и поехала.

Отлеживалась наша пострадавшая аж две недели и особого стеснения не испытывала. Доглянута, в чистоте, ей тепло и сытно, опять же и Захарке не так тоскливо. Стала потихоньку уже и во двор выходить. Захарка ей все показывает, рассказывает. Городской старушке пасторальная жизнь интересна. А в доме у Захарки все обустроено, прямо как в городских квартирах, воду таскать не надо, она из колодца погружным насосом в водогрей поступает, стиральная машина фурычит. Туалет, ванна, все в доме. В сарае у него клетки с кроликами, за сараем курятник прилепился, а там коровник с Мясней и Лютиком.

– Ах, Захарушка, какой же этот бычок славный!

– Ой, и не говорите! Одна беда – к Рождеству зарезать придется. Даже не представляю, как его на убой обрекать. Но взрослому быку без стада не жить.

– Быку не жить, это правда. А вы его кастрируйте.

– Чего ради я его калечить буду?

– Возродите традиционный украинский гужевой транспорт. Кого чумаки в телегу запрягали, чтобы соль возить? И не только украинский. Египетские пирамиды строили, на волах камни подвозили. Лошадей в Египет завоеватели гиксосы пригнали, а до них все на волах. И у древних греков это была самая рабочая скотина. И заметьте, коня в телегу не запрягают, и к плугу он не пригоден. На такие работы кобыла, да мерин годятся, а конь только в кавалерии под командиром гарцевать. Так что если хотите долгой жизни своему Лютику, вариант один. А он вам столько пользы принесет, что никакой трактор столько не наработает. Почитайте в интернете, подумайте, до Рождества время есть. Но вам тогда надо будет еще одного бычка прикупить. В паре они работают безотказно.

Бог дал человеку два уха и один рот, чтобы он больше слушал и меньше говорил. Нелли Николавна Захару, как Америку открыла. Вот что значит образованная! Он про волов

теперь каждый вечер в интернете гуглит. Сначала было прочитал, что бычка до трех месяцев надо успеть кастрировать, но потом оказалось, что это для мясных бычков, а для рабочих не раньше, чем в полтора-два года. Это значит, когда Люся со своей панцины вернется, придется за Лютика оборону держать. Но Захара такая ситуация уже не напрягала. У него хозяйство прибыльное, Масяня раздоилась, дай Бог каждому, можно и с бычком поэкспериментировать.

– Нелли Николавна, куда это вы засобирались?

– Схожу на свой участок посмотрю, и домой поеду, пора и честь знать.

– Силой держать не стану, проводить вот сам хочу и не отказывайте мне в этом. Очень уж вы компанейская женщина, прикипел я к вам, да и боязно теперь вот так отпускать.

Проводы

Участок Нелли Николавны находился на отшибе садоводства, впритык к лесопосадке. Пока шли разговорились.

– И охота вам, в ваши годы, без особой нужды, в земле ковыряться?

– Всяко лучше, чем дома сидеть. Должен быть у человека интерес. Без интереса-то какая жизнь?

– Хобби значит, понимаю.

– А вы знаете почему коммунисты раскулачивали, уничтожали крепкое крестьянство? Энергетическая независимость, это еще и самостоятельное производство продуктов питания. Вот почему крестьянин гораздо свободнее городского жителя. Огород, домашняя скотина и птица – свое хозяйство. Вы платите за вывоз мусора, за электричество и газ, ну и еще налог на недвижимость. Однако это несравнимо меньше, чем затраты городского жителя. Вам, чтобы прокормить себя, совсем не обязательно на кого-то горбатиться.

– Однако жена моя вынуждена была ехать в Польшу на заработки.

– Неужели? При таком хозяйстве!

– Нас, если честно, прошлогодняя африканская чума подкосила. Объявили повсеместную борьбу и пропала свиноматка за две недели до опороса, спалили ее вместе с хлевом и всем, что там было. А мы рассчитывали. Жили – не экономили. Думали управимся.

– Понятно, агрохолдинг от конкурентов избавляется.

– А кому это не понятно? Они меня еще и поучали, типа «на будущее исключите выгульное содержание». Что я, нелюдь какой, чтобы свою Хросю взаперти держать, на травку не выпустить, да по осени, чтобы она в огороде, когда урожай собрали, не порылась!

– Мне бы сейчас на участок вот такую Хросю. А то ж сил никаких не хватает, пижмой все заросло – руками землю от корней перебираю. А такая Хрося и по весне на огороде, перед посадками любую самую навороченную культиваторку заменит.

– А Хрося бы порылась, это точно. Мы ж ее на разведение взяли. Не способен я скотину забить. Да, что там скотину – с птицей и кроликами всегда жена управлялась. Так мы этих поросят ждали. Как вспомню – до сих пор слезы наворачиваются. Хрося такая умница была, даром что не разговаривала! До последнего не верила, что мы за нее не заступимся.

– Так это обгорелое строение тот самый свинарник и был?

– Был! Еще мой дед его построил.

– Ну, кирпичная кладка уцелела, крышей покрыть, да пол настелить, стены побелить, загородки поставить и можно снова поросят закупать.

– На это все, кроме собственных рук, деньги нужны: брус на балки, доски, шифер... А я только к Рождеству кредит заканчиваю выплачивать. А потом, как представляю, что они опять эту борьбу с эпидемией затеют...

– Они завтра могут облаву на ящур затеять, но вы же не боитесь у себя Масяню с Лютиком держать?

– Еще как боюсь! Ночами кошмары снятся! Вот вы, вроде бы дама городская, а имеете интерес и понятия в сельских делах, как это?

– Я, сама родом-то не здешняя. В молодости, в Вологодском институте молочного хозяйства, на факультете ветеринарной медицины училась. Студенткой, на танцах, познакомилась с курсантом, замуж вышла за военного, а его сначала в Туркмению направили, а потом в Украину перебросили. Здесь он в отставку и вышел в чине подполковника, после ликвидации Чернобыльской аварии. Потом долго болел и умер. А я до самой пенсии в Харьковском зоопарке проработала.

– Ух ты! Да мне вас Господь послал!

– Я так думаю, что у него, безусловно был план. Вот только зачем же монтировкой-то по голове?

– Ладно, не будем богохульствовать. Монтировка от происков нечистой силы.

– А вот мы и пришли. Полюбуйтесь на мои владения.

– И вправду все заросло. Я сегодня же по вашему участку бензокосой по сухостою пройду, а завтра трактор пригоню и перепашем ваши владения.

– И правильно сделаете. Мне-то больше пары грядок на огород не надо, а вы можете себе хорошее пастбище приготовить.

– Знаете, Нелли Николавна, огородом вы можете и моим пользоваться. Здесь у вас колодца нет. Откуда вы воду на полив берете?

– Дождевую по корытам с крыши собираю, потом в бочки переливаю и там храню. А когда не хватает, то приходится таскать с того колодца, который мы с вами проходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.